

го князя Константина Павловича от Престола // Русский архив. 1887. № 10. С. 137–138.

Из далекой старины 1925 – Авл. Из далекой старины // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. М., 1925. Кн. 21. С. 254.

Карнович 1995 – Карнович Е.П. Цесаревич Константин Павлович. Биографический очерк // Карнович Е.П. Собр. соч. в 4 т. М., 1995. Т. 3. С. 373–603.

Левшин 1876 – Домашний памятник Н.Г. Левшина // Русская старина. 1876. Т. XVI. № 5. С. 59–72.

Лагарп 1870 – Записки Лагарпа о воспитании великих князей Александра и Константина Павловичей, 1786 – 1789 // Русская старина. 1870. Т. I. С. 3–48.

Лозанова 1935 – Песни и сказания о Разине и Пугачеве / Вступ. ст., ред. и примеч. А.Н. Лозановой. М.; Л., 1935.

Макаров 1871 – Макаров Н.П. Цесаревич Константин Павлович и его время в Варшаве (очерки из воспоминаний старого литовца). СПб., 1871.

Максимович 1875 – Максимович М. Воспоминания о польском восстании 1830 года и о в Бозе почившем великом князе, цесаревиче Константине Павловиче. СПб., 1875.

Массон 1996 – Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996.

Народные толки 1878 – Народные толки о Цесаревиче Константине Павловиче (сообщ. Г.К. Репнинский) // Русская старина. 1878. № 9. С. 135–142.

Раменский 1913 – Раменский А. Цесаревич Константин Павлович. М., 1913.

Рахматулин 1987 – Рахматулин М.А. Легенда о Константине в народных толках и слухах 1825 – 1858 гг. // Феодализм в России. Сб. ст. и воспом., посвященный памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1987. С. 298–308.

Русская историческая песня 1987 – Русская историческая песня / Ред., вступ. ст., примеч. Л.И. Емельянова. М., 1987. («Библиотека поэта».)

Семевский 1909 – Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.

Суханин 1912 – Суханин. Из журнала участника войны 1812 года // Русская старина. 1912. Т. 149. № 2. С. 271–283.

Сыроечковский 1934 – Сыроечковский В. Московские «слухи» 1825 – 1826 гг. // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. М., 1934. Кн. 3 (112). С. 79–85.

Успенский 1996 – Успенский Б.А. Царь и Бог // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 110–218.

Успенский 1998 – Успенский Б.А. Царь и патриарх (Харизма власти в России). М., 1998.

Чистов 1967 – Чистов К.В. Русские социально-утопические легенды. XVII – XIX века. М., 1967.

Daudet 1907 – Daudet Er. Le Correspondent. 1907. 10 juillet. (Autour du congrès d'Aix-la) (перепечатано: Доде. К биографии цесаревича Константина Павловича (Ночь на камердинерской постели) // Русская старина. 1909. № 11. С. 248).

Сокращения

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив.

И.Н. РАЙКОВА
(Москва)

МОТИВ НЕУЗНАННОСТИ В РУССКОЙ УСТНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ О «СПРАВЕДЛИВОМ» ПРАВИТЕЛЕ

«Справедливый» царь, правитель выступит в качестве героя преданий, легенд, сказок, исторических анекдотов у разных народов. В рамках этой традиции существует большой пласт типологически сходных мотивов и «бродячих» сюжетов.

На русской почве идея «справедливого» правителя связана с именами Ивана IV Грозного, особенно широко – Петра Великого, реже – Бориса Годунова, Екатерины II, Александра I, а также Ивана III, которого в народе тоже называли Грозным¹. В устной прозе об этих исторических лицах выразилась извечная народная мечта о мудром и гуманном устройстве общества, добрых взаимоотношениях между правителем и подданными, жизни по закону и по справедливости². В русском фольклоре XX в. эта традиция отчасти продолжена в рассказах, героем которых является Иосиф Виссарионович Сталин, называемый в текстах просто «Сталин» или «товарищ Сталин» (устойчивый советский речевой штамп, использовавшийся при жизни генсека). Такое именование подтверждает тот факт, что перед нами скорее традиционный фольклорный тип, нежели конкретное историческое лицо. С точки зрения жанровой природы рассказы тяготеют, прежде всего, к историческим анекдотам, историческим преданиям (с установкой на достоверность), бытовавшим еще при жизни вождя, а также современным народным анекдотам (без установки на достоверность). Последние, возникнув при жизни И.В. Сталина, были «тайным» пластом устной культуры, а после его смерти стали бытовать открыто и впоследствии печататься³. Впрочем, граница между этими жанрами, на наш взгляд, не является непроницаемой.

¹ О последнем см. в ряде недавних публикаций С.Н. Азбелева, например [Азбелев 1999, 15–17].

² Подробнее об этом: [Райкова 1995].

³ Цитируемые в статье устные рассказы о И.В. Сталине записаны автором осенью 1999 г. от сотрудников ГРЦРФ Виктора Григорьевича Смолицкого (использовались также любезно предоставленные им тексты в самозаписи) и Николая Сергеевича Бурмистрова. Автор выражает искреннюю признательность своим информантам.

Один из основных традиционных мотивов преданий, легенд, исторических анекдотов о «справедливом» царе – *царь проявляет свои способности: а) реальные (хорошие / выдающиеся), б) чудесные*. Он позволяет представить царя – героя несказочной прозы – активно действующим субъектом, богатой, разнообразной личностью. Существует несколько реализаций данного мотива в конкретных произведениях, их варианты:

Царь

- овладевает ремеслом, делает что-либо своими руками;
- делает что-либо первым;
- проявляет выдающуюся физическую силу;
- ведет мудрую (иносказательную) беседу, которую не планируют его приближенные;
- предпочитает простую пищу / одежду / жилье / бани;
- издается чудесным способом;
- укрощает природную стихию;
- вырывает чудесного коня;
- общается с христианским святым / Богом / ангелом / демонологическим существом;
- остается неузнанным для попутчика, собеседника.

На последнем из названных мотивов, дающему достаточно условное наименование – *мотив неузнаваемости*, мы и остановимся. Трудно однозначно определить, о реальных или чудесных способностях правителя идет речь в этом случае. Царь инкогнито приезжает куда-либо или просто «обходит владения свои», специально переодевшись в простую одежду или оставаясь неузнанным непреднамеренно (подданные не знают правителя в лицо, а его внешний вид лишен явных примет высочайшего происхождения). Он гуляет по улицам, общается с простыми людьми; его, не узнавая, подкалывают во дворцу и т.п. Далее нередко происходит неожиданное эффектное узнавание, сопровождающееся посрамлением случайного попутчика-собеседника (подданного).

Двойственная природа происхождения мотива несомненна. С одной стороны, он восходит к системе запретов, окружавших вождей (царей) и их детей в древности, так как от их благополучия зависело благополучие всего народа. В.Я. Пропп, ссылаясь на Дж. Фрэзера, пишет: «Каждое движение их регламентировалось целым кодексом, чрезвычайно тяжким для исполнения. Одним из правил этого кодекса было – никогда не покидать дворца. <...> Во многих местах царь – таинственное, никем никогда не виданное существо» [Пропп 2002, 23]. За любым запретом следует его нарушение, и по сюжету царь тайно покидает дворец; его могут увидеть, но сначала не уз-

нать и т.д. С другой стороны, мотив соответствует реальным свойствам, пристрастиям русских исторических прототипов. Так, известно, что Петр I всегда одевался слишком просто для царя, а любимыми забавами как Ивана Грозного, так и Петра I были переодевания, маскарады, шутовские лицедейства и т.п.

Мотив неузнаваемости свидетельствует о демократизме правителя, указывает на его стремление узнать правду о жизни подданных. Так, Б.Н. Путилов пишет о Петре I, герое преданий: «Но пока личина не возвращена – Петр не просто с успехом исполняет взятую на себя роль, но и становится равноправным членом той среды, в которой благодаря этой роли он оказывается: с солдатами он солдат, с ворами – вор, с плотниками – плотник. Так обнаруживается неподдельная народность Петра как царя, его способность легко и естественно вливаться в любое общество и растворяться в нем» [Путилов 2000, 11].

Неузнавание, сменяющееся узнаванием, – это и своего рода интеллектуальная игра: царь доказывает свое превосходство, потешается, видит замешательство, испуг недогадливого подданного. Вероятно, в данном мотиве выразилось и представление народа о *вездесущности* правителя. Он каким-то непостижимым для «простого человека» образом может оказаться в любой момент где угодно, там, где его не ждут, чуть ли не в нескольких местах одновременно. Он всё видит, всё слышит, его всё интересует, он всё понимает.

Приведем фрагменты текстов, в которых встречается мотив неузнаваемости царя: «Иногда он (Иван Грозный. – И.Р.) переодевался и ставал к шайке разбойников и советовал им однажды обокрасть казнохранителя» [Коллинз 1846, 15 (№4)]; «Петр Великий объезжал всю Расею в одно бывшее время. Ехал дорогой с кучером, и захотели они обедать. И вот приказал государь кучеру захватить в деревню, в первый попавшийся дом. <...> Поздоровались с хозяйкой дома и попросили у ней поесть. <...> Она не знала, что тут был Петр Великий» [Горький 1960, № 31]; «Вот раз один солдатик сидел в ресторане. Пришел царь Петр I. Пришел, за стол сел, к столу, и сидит. А солдатик не знает, что это за царь. Выпили по чарочке. У солдатика денег не стало» (зап. И. Грабовская от М.А. Максимова в Онежском р-не Архангельской обл. [Петр I 1993, № 53]); «Петр I имел обычай ночью ходить, со своим помощником, конечно, шляться, как говорится. И где были умные парни, умные солдаты, он их сейчас же брал, учил и производил. Даже до генералов. И шел он со своим адъютантом. Да. И с одного шинка одного солдата рядового, вышвырнули его. И он стоит, бедный, не-

множечко был хмельной, и говорит: "Разуму – продать, а за что выпить – нет". Тогда этот самый царь Петр – был одетый в цивильном, в гражданском – и сказал своему адъютанту: "Бери! С нами его!"» [Бахтин 1987, 56]; «Едет (Петр I. – И.Р.) за стариком следом. Старик заезжает во двор, распрягает лошадь, а царь быстро вбежал в избу. Старик коня распряг, приходит в избу – а в избе царь. Он испугался, чуть не упал» [Южная Карелия 1967, № 50]; «Вот вышел царь. Кузнец как увидел его (в царском обличии. – И.Р.), так и обомлел – от испуга скорее всего. Подумал, что вчера не так как надо с ним разговаривал. Петр и говорит: "Скажи своей бабе спасибо, что в кузню привела. Да пусть рожает богатыря. А тебя ставлю главным над кузнецами..."» (зап. в 1971 г. Я.Р. Кошелевым в д. Самуйлово Гагаринского р-на Смоленской обл. от Тимофеева С.В., 67 лет [Путилов 2000, 225]).

В разных жанрах устной исторической прозы и даже в рамках одного жанра мотив неузнанности играет различную сюжетную роль. Среди имеющихся в нашем распоряжении исторических преданий нередко встречаются тексты, состоящие только из одного этого мотива, что не противоречит функциональной специфике жанра: в преданиях на первом месте могут быть информативная (с установкой на достоверность) и историко-патриотическая функции. Одного действия главного героя в определенных обстоятельствах бывает достаточно, чтобы составить целое произведение. При этом мотив неузнанности часто реализуется в усеченном виде: неожиданное узнавание только намечается, остается за рамками текста. Ср.: «Александр Павлович, возвращаясь с прогулки за городом, не объявив, кто он, попросил мужика довести его до Петербурга, сел в телегу и на вопрос: "Офицер ты, что ли?" – отвечал: "Подымай выше". – "Полковник?" – "Подымай выше". – "Генерал?" – "Подымай выше". – "Неужто царь?!" – "Вот то-то оно и есть!"» [Ключников 1886, 153]. Перед нами рядовой эпизод из жизни Александра I, незначительная встреча с безымянным мужиком, простенький короткий диалог. Мотив выражает не столько хитроумие царя, сколько его простоту, близость к народу, которые удивляют и восхищают подданного, а также передающего его настроение рассказчика – тоже «простого человека».

Группа русских сказок, в которых действует «справедливый» царь, названный по вариантам Петром I, Иваном Грозным, Екатериной II, Александром I, или безымянный, более сложна и многолика в сюжетном отноше-

нии, чем произведения несказочной прозы. Разные по сюжету и композиции сказки объединяет именно образ «справедливого» правителя, более цельный и непротиворечивый, чем в преданиях и легендах. На значимость образа царя указывают, например, устойчиво встречающиеся слово «царь» или имя царя в названиях сказок, которые дают сами исполнители. Сказки о «справедливом» царе обладают закрытой структурой, они бытуют в виде законченных сюжетов, известных по указателям и распространенных в многочисленных вариантах⁴.

Интересно, что при этом важный для преданий и легенд мотив – *царь проявляет свои способности* – в сказках, как правило, отсутствует. Совершенство царя, его превосходство над подданными подразумевается как изначальная данность, не требующая доказательств. На этом фоне особенно заметны отступления: в нескольких вариантах отдельных сюжетов царское совершенство берется под сомнение, говорится о посредственных способностях царя в какой-либо сфере жизни, неудаче в той или иной ситуации. Так, царь не способен нести караульную службу, засыпает на часах и осуждается за это солдатом в вариантах сюжета «Царь и солдат в лесу»; не догадывается о хитрости жены и простодушно попадает к ней на удочку в сюжете «Мудрая жена»; проигрывает состязание в хитроумии («Беспечальный монастырь»); оказывается обмороченным Морокой и т.п. В анекдотах о Сталине наблюдается примерно то же: в некоторых сюжетах он не всеведущ – он такой же человек, как и все. Например, он не знает, когда закончится война (спрашивает об этом у своего шофера, тогда как тому было поручено выпросить то же самое у товарища Сталина).

Что касается мотива неузнанности, то именно он, являясь исключением, присутствует и в нескольких сказочных сюжетах: «Куда тратятся деньги» [СУС-921А], «Меткие ответы» [СУС-921Е, F], «Царь и солдат в лесу» [СУС-952], «Царь и вор (раскрывают заговор против царя)» [СУС-951В], «Солдат закладывает шашку» [СУС-1736А], «Царь – в шапке» (в СУС не указан), «Все жены одинаковы» [СУС-983]. При этом лишь в единичных вариантах анекдотического сказочного сюжета «Царь – в шапке» мотив неузнанности составляет сюжетное ядро. Обычно же он стоит в ряду других мотивов и контаминируется с сюжетами «Куда тратятся деньги» и «Меткие ответы».

⁴ Нам известно 22 сюжета и около 200 вариантов.

Приведем пример такого редкого варианта. Проста, бесхитростно, будто о своем старом знакомом, ведет повествование о царе Петре семнадцатилетний сказочник из Новгородской обл.: «Однажды шел в лесу царь Петр. А здесь неподалеку старик рубил дрова. Вот старик нарубил дров и собрался ехать к своей даче. Царь Петр и спрашивает:

— Давно меня до города!

Он сказал:

— Нет, будет лошади тяжело.

Ну, он после посадил его и поехал с ним.

Давным Петру и спросил:

— А хочешь посмотреть царя?

Он говорит:

— Нет!

— Ну вот, когда мы придем с тобой в город, что будет в шапке, тот и царь.

Вот они приехали в город. Старик видит, что только они двое в шапках. Он про себя и думает: «Я не царь, наверное, он царь».

А царь Петр засмеялся и пошел по улице. А молчок поехал домой. Вот и узнал царя» [Бахтин 1987, 22]. Изображается настолько незначительное событие из жизни царя, что невозможно найти ему какие бы то ни было исторические параллели. Однако народная память бережно хранит такие эпизоды, так как они передают живой интерес царя к «простому человеку», уважение к нему, хотя и не без доли иронии, и, в свою очередь, — доброе, любовное отношение мужика к царю. В этом сказке особенно близки преданиям.

Как правило, в сказках мотив неузнанности играет иную сюжетную роль, нежели в сказочной прозе. В преданиях и легендах, как говорилось выше, царь таким образом демонстрирует свои способности, качества, будь то патристические, демократизм или приписываемая ему вселюдность. В сказках же мотиву отводится вспомогательная роль: он необходим только для дальнейшего развития сюжета. Оставаясь немотивированной, неузнанность царя не свидетельствует о его личных свойствах. Она позволяет более полно и свободно проявиться способностям подданного. Так, одна сказка начинается: «Идет солдат улицей, наспереху ему царь в шинели простого солдата...» [Померанцева 1958, № 11]. И сюжет стремительно развивается дальше.

Сказка о «справедливом» царе не дает полного портрета царя — ни идеализированного, ни реалистического, ни психологического. Иредика в версиях сказок о Петре I упоминаются такие черты внешности героя, как высокий рост, статное телосложение. В сказочной прозе о Петре Великом эти черты стали общим местом: отражая реальные физические

данные исторического прототипа, они в то же время отвечают общефольклорным представлениям о мужской красоте. Ср.: «Подъезжает к полю онноколка, и выходит, конечно, один стройный, высокого роста мужчина. Он не знал, кто это такой» [Карельское Поморье 1974, № 57]. Другие встречающиеся в сказках детали портретной характеристики царя связаны не с его телосложением или выражением лица, а исключительно с одеждой, аксессуарами, обмундированием. Эта особенность играет особую роль в ходе сюжета, участвуя в воплощении мотива неузнанности. Царь обычно выглядит как штатский или военный невысокого ранга, чиновник, охотник и др. Ср.: «Государь был в вольной штатской одежде, и солдат его не признал, назвал его "барин"» [Бахтин 1987, № 6]; «Вдруг явился человек — весь в снегу, винтовка на плече, котомка сзади, патроны кругом» [Пудожский край 1982, № 6]; «И все-таки оделись они в свое охотничье платье и сели на лошадей (такие люди и пойдут пеши!) и отправились на охоту» [Карнаухова 1934, № 55].

В исторических анекдотах о Сталине можно найти, на наш взгляд, некую трансформацию мотива неузнанности. Вождя как бы узнают, но в то же время боятся узнать, не доверяют своим глазам, когда он неожиданно появляется в московском дворике, коммунальной квартире и т.п., хотя он, напротив, намеренно не переодевается и не скрывается. Вот некоторые фрагменты большого рассказа: «Приезжают домой, уже утро наступило раннее, во двор этого дома входят. Работник ресторана "Арагви" нес ящик с какими-то бутылками в ресторан, оцепенел: увидел, что из машины выходят какие-то люди и среди них товарищ Сталин, раз — ящик с бутылками на землю. <...> В квартире уже начинает кое-кто двигаться, какая-то женщина идет, напевая, на кухню на общую, кудри себе начесывает, увидела людей, головой потрясла, так ничего и не поняла, на следующий день рассказывала: "А этот, из 16-й квартиры, представляете, чумной, идет и портрет товарища Сталина во весь рост с собой несет!"». Даже возможный телефонный разговор «простого человека» «с самим товарищем Сталиным» вызывает у соседей по коммуналке недоверие: «А, сейчас мы донесем на тебя, как ты смеешь такое имя все употреблять! Что ты еще смеешься... и всё такое» (зап. в 1999 г. И.Н. Райковой в Москве от В.Г. Смолицкого, 1926 г.р.).

Новые оттенки смысла в реализации мотива указывают, очевидно, на то, что дистанция между правителем и подданными в фольклорном сознании увеличилась. В одном из

анекдотов о Сталине, используя сюжетный ход с телефонным разговором и мотив узнавания / неузнавания (а точнее – «мнимой забывчивости»), рассказчик вдруг низвергает Сталина с его пьедестала, показывая, что есть в России люди и поважнее: «*Рассказывали в начале 30-х годов. Станиславского собирались "уплотнить" в его доме, отнять часть помещения. Взбешенный, он стал звонить: "Мне Сталина!"*. (Тогда абонентов соединяли телефонистки.) *Через какое-то время слышит:*

– *Константин Сергеевич, чем могу быть полезен?*

– *А, Сталин, простите, не знаю имени и отчества...*» (зап. в 1999 г. И.Н. Райковой в Москве от В.Г. Смолицкого, 1926 г.р.).

Во многих сюжетах устной исторической прозы о «справедливом» правителе присутствует и мотив *царь замечает, оценивает способности подданного*, затем следует справедливое воздаяние. Интересно в связи с этим проследить, возможна ли противоположная ситуация, когда царь сразу не узнает подданного (принимает «простого человека» за высокопоставленное лицо). Мотив неузнанности царем подданного (обратный вышеописанному) – явление редкое, известны лишь единичные примеры его реализации. Так, в бродячем сказочном сюжете «Беспечальный (беззаботный) монастырь» [СУС-922]⁵ главный герой («простой человек») выдает себя за игумена монастыря, отгадывая вместо него мудрые царские загадки. Царь не замечает подлога, пока ему прямо на это не указывают.

Царские загадки в данном и некоторых других сюжетах о мудрых отгадчиках – особого типа: природоведческой и философской тематики, не предполагающие однозначных отгадок, рассчитанные на смекалку, гибкость ума. При этом возможные отгадки не поддаются опытной проверке. В большинстве вариантов загадки таковы: *сколько звезд на небе, сколько я (то есть царь) стою, о чем я думаю*. Ответ на третий вопрос не только выявляет находчивость героя – «простого человека», но и заключает в себе неожиданное узнавание, точнее, сам неузнанный герой снимает личину, потешаясь над недогадливостью царя. По вариантам он примерно следующий: «*Ты думаешь, я – игумен / настоятель монастыря, а я – мельник / засыпка / повар / кухарь / послушник / работник / конюх / пьяница из трактира и др.*». Такая отгадка последней загадки – полная неожиданность для царя, он настоль-

ко поражен, что его чувство рассказчик не может выразить словами. «Справедливый» царь не гневается, а, напротив, награждает мудрого отгадчика и наказывает игумена, переложившего свое задание на чужие плечи: «*Ну, дак быть же тебе игуменом, а тот пусть мельничным кухарем. Тем и кончилось*» [Никифоров 1961, №15].

Иногда подданный идет еще дальше – выражает желание временно заступить место самого царя, как бы «замаскироваться» под него с явной или тайной целью насладиться подобающими тому благами. Царю (при этом он сам бывает неузнанным) случайно становится известно о желании подданного. Правитель в остроумной форме дает ему понять, что подобное желание невыполнимо и может восприниматься только как шутка. Такое происходит в редком на русской почве бродячем сюжете «Все жены одинаковы» [СУС-983], где фигурирует Петр I⁶. Петр выполняет два желания солдат – прокатиться «*на государственной коляске*» и «*с важными вельможами посидеть в середине*». Третьим желанием было притязание на Екатерину: «*Речь дошла до третьего. Тот (солдат. – И.Р.) туда-сюда... "Ничего, ничего, говори!" – "Я вот что говорил, Ваше Императорское Величество..." Велел налить ему Государь три бокала водки-сивухи: золотой, серебряный и медный. Тот выпил. "Ну, что, водка какая – разная или одинаковая?" – "Одинаковая, – говорит, – сивуха!" – "Так, – царь говорит, – и жена одинаковая: что моя, то и крестьянская!"*» [Зеленин 1914, 447].

Типологически близкая ситуация встречается и в историческом анекдоте о Сталине: «*Был такой актер Геловани, он во многих кинофильмах сыграл роль товарища Сталина. Во время репетиции артист высказал режиссеру пожелание: "Чтобы мне лучше вжиться в образ товарища Сталина, желательнее побывать в той обстановке, в которой находится товарищ Сталин: в его кабинете, у него на даче, в семье... Чтоб получился более точный образ товарища Сталина". Доложили об этой просьбе артиста Геловани. Товарищ Сталин ответил: "Если товарищ Геловани действительно хочет вжиться в образ товарища Сталина, то он не с этого начинает. Ему надо начать с Туруханской ссылки"*» (зап. в 1999 г. И.Н. Райковой в Москве от Н.С. Бурмистрова, 1927 г.р.).

⁶ Известны также башкирский и турецкий варианты; в качестве одного из эпизодов сюжет входит в древнерусскую «Повесть о Петре и Февронии Муромских».

⁵ В международной систематизации именуется «Император и аббат». В 15 вариантах из 32 нам известных фигурирует Петр I.